

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Ю. Лапина

Нижегородский государственный университет

Политическую культуру России на современном этапе характеризует ряд особенностей. Применительно к массовому сознанию — приоритет аффективной сферы над рациональной, катастрофизм как естественная реакция на кардинальную смену системы и общественные катаклизмы, правовой нигилизм; в политическом поведении населения — отсутствие базового консенсуса, низкая толерантность, перманентная фрагментарность, крайняя гетерогенность. В статье ставится задача раскрыть специфику политической культуры, связанную с существованием в рамках единого пространства страны особого уровня региональных субкультур, определить их место в политической системе, факторы их становления и влияние на развитие политического курса в целом. С преодолением политико-культурной дифференциации связаны, как нам представляется, внутренние перспективы развития России.

Политические культуры многих стран представляют сочетание ряда субкультур (США, Германии, Италии, Японии и др.). В России своеобразие ситуации состоит в том, что уровень противостояния субкультур здесь крайне высок. Это обстоятельство дает основание некоторым политологам (А. Соловьев) говорить о «внутреннем расколе» политической культуры современной России, противоречивости ее сегментов [1]. Специфика также заключается в том, что противостояние субкультур — историческая традиция в политической культуре России еще со времен крещения Руси (язычники — христиане, старообрядцы — приверженцы новой веры, западники — славянофилы, православные — иноверцы). Именно культурное многообразие России не давало возможности выработать в прошлом единые ценности политической культуры, обеспечить ее внутреннюю целостность.

В настоящее время имеют место кардинальные различия в массовом сознании, поведении избирателей национальных анклавов, Юга, Центра России. Это дает основание исследователям делить российское электоральное пространство на некогда конкурентные регионы с элементами авторитарной политической системы и демократические, демонстрирующие живой политический процесс реальным соперничеством двух или более кандидатов (А.В. Дахин, Е.В. Попова, Д.Б. Орешкин) [2].

Можно говорить о дифференциации в пределах каждого типа. Среди недемократических регионов выделяются «заповедники» советской модели голосования со значительными ресурсами управляемого электората, отсутствием реального соперничества между кандидатами, ограниченным выбором (преимущественно национальные субъекты Российской Федерации — Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Чеченская Республика, Мордовия). Другую группу составляют регионы, формально принадлежащие к демократическим, но отличающиеся засильем местного лидера, номенклатурной элиты, отсутствием реальной оппозиции, способной привести к смене здесь власти (Саратовская, Московская области). Единообразия не наблюдается и в демократических регионах. Они различаются по уровню оппозиционности Центру, степени сплоченности или конфронтации региональных элит, активности населения.

Системообразующими факторами региональных субкультур выступают устойчивые традиционные ценности, особенности национального характера, уровень развития самосознания, геополитический статус региона, социально-экономические предпосылки. Последним в пореформенный период принадлежит основная роль в формировании стереотипов сознания, форм поведения избирателей. Диспропорции же в экономическом развитии территорий России не только не сглаживаются, но усугубляются по мере утверждения рыночных отношений.

Регионы с низким уровнем жизни, кризисной хозяйственной конъюнктурой (Воронежская, Ивановская, Курская области, Калмыкия, Чеченская Республика, Башкортостан, Мордовия), как правило, принадлежат к категории недемократических. Так, в Калмыкии социально-экономический кризис переходного периода имел наиболее тяжелые последствия: падение производства в промышленности и сельском хозяйстве к 2000 году составило 80%, уровень жизни был одним из самых низких в стране (потребительские расходы в пять раз ниже общефедеральных и в 3,6 раза ниже в сравнении с Южным федеральным округом). Результатом стало снижение доверия населения к местной политической элите: в 1998 году положительно оценивали деятельность президента республики К. Илюмжинова 60% населения, в 2001 году — 31,6% [3].

Повышенное внимание к решению социально-экономических проблем демонстрируют жители не только «проблемных» зон, но и относительно стабильных в хозяйственном отношении регионов. Так, нижегородцы во время избирательной кампании 2000 года наибольший интерес проявляли в отношении мер социальной защиты, материальных аспектов программ кандидатов (уровень цен, оплаты труда, пенсий, коммунальных услуг) [4].

Кризисная экономическая конъюнктура создавала почву для воспроизводства в массовом сознании традиционных ценностей, которые брали верх над демократическими (коллективизм, усиление этатистских настроений, персонификация, централизация власти). Негативное отношение к последним выступало как реакция на нестабильность в обществе, неуверенность или разочарование в результатах демократических реформ 1990-х годов. По данным социологических опросов, в структуре ценностных ориентаций населения российской провинции и ныне доминируют стереотипы, присущие авторитарному обществу: коллективизм, конформизм, низкий уровень законопослушания и толерантности, преобладание материальных ценностей над духовными, идеологическими. Нормы демократической политической культуры оказались освоены меньшинством россиян. По данным на 13 декабря 2003 года 48% респондентов считают позитивной тенденцией поражение демократов на парламентских выборах, 44,5% видят причину этого в разочаровании населения в демократии и неадекватности программ требованиям времени. Так, жителям Юга страны присуще общинное мировосприятие, сильная ориентация на государство, скептическое отношение к демократическим ценностям. Свободу как либеральную ценность, условие несения персональной ответственности понимали только 16% жителей Юга. Большинство рассматривали ее как возможность быть самому себе хозяином. Такие ценности, как права человека, защита демократии не имеют приоритетного значения [5]. Демократическая система рассматривается как неадекватная потребности в стабильности, хотя отмечается увеличение числа фактов индивидуальной борьбы россиян за свои нужды через суды и прочие правозащитные организации, что свидетельствует о политической грамотности, умении отстаивать свои права. Но приводимая статистика свидетельствует о частных, единичных случаях, не отражает общероссийских

настроений. В целом сильны статистические традиции и связанный с ними стереотип ожидания от государства в лице чиновников позитивных изменений: права граждан должны защищать президент, депутат, но не сами индивиды. В обществе мало кто готов к самоорганизации для защиты собственных интересов, к личной ответственности, а демократия как раз предполагает последнее.

Параллельно происходит усиление прагматических настроений электората, приоритетной становится «экономическая модель» голосования, при которой в политическом сознании его носителей укрепляется стереотип доверия партиям и кандидатам исходя из оценок ситуации за время пребывания их у власти. Устанавливается прямая зависимость между положением в экономике и результатами выборов. Американские политологи А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер характеризуют данный склад сознания как «уровень природы времени». Он превалирует в странах с нестабильной, переходной экономикой (в США, государствах Западной Европы — в послевоенный период). В 1950-е годы в США 42% американцев руководствовались названными мотивами при голосовании. Сущность такого типа электорального поведения объясняет рационально-инструментальный подход, предложенный западными политологами Э. Даунсом и М. Фиориной и используемый отечественными исследователями для анализа современной ситуации в России [6]. Специфика массового сознания россиян конца 1990-х годов определяет особенности их политического поведения (высокий уровень абсентеизма имеет экономическую основу, чаще приобретает черты социального протеста как реакция на неудовлетворенность результатами реформ), воздействует на трансформацию образа политического лидера. Для большинства регионов таким востребованным образом становится уже не борец за демократические ценности, как в начале 1990-х годов, а хозяин, защитник на местном уровне и личность патерналистского типа на федеральном.

Проблемы достижения политико-культурной однородности обусловлены как объективными причинами (дифференциацией регионов по экономическим, образовательным показателям; этноконфессиональным составом, историко-культурными традициями), так и субъективными — позицией федеральной и местных властей в данном вопросе. Последнее десятилетие перед Центром стояла дилемма: либо внедрение единого демократического стандарта избирательных процедур, преодолевая сопротивление местных элит и рискуя спровоцировать откол ряда суверенных территорий, либо путь уступок регионам и деформации избирательной системы в субъектах Федерации с учетом региональной специфики в обмен на политическую лояльность. В период президентства Б. Ельцина предпочли пожертвовать электоральной демократией ради территориального единства Российской Федерации, предоставив максимально широкие полномочия регионам, включая административный ресурс. Это создавало условия для давления местных элит на электорат. Исход голосования уже тогда определялся во многом позицией местных элит. Управляемость не означала приверженности какой-то одной политической идеологии. В первой половине 1990-х годов можно было выявить, например, продемократические регионы (Калмыкия), консервативные (Дагестан, Северная Осетия, Мордовия). Поэтому целесообразно говорить о существовании плюрализма если не на уровне избирателей, то на уровне местных властей. В контексте современного курса федерального центра в отношении регионов на усиление вертикали власти, когда российская региональная политика становится все более виртуальной по сути и силовой по содержанию, вновь проявилась тенденция унификации политико-культурного пространства, но уже на новой идеологи-

ческой основе. Нынешнюю стратегию Кремля наглядно иллюстрируют результаты думских выборов и глав местного самоуправления 2003 года, в частности, президентская кампания в Чечне 5 октября 2003 года и победа «московского чеченца» А. Кадырова.

Благоприятную почву для полновластия Центра в регионах формирует позиция правых партий, их фактическое самоустранение от активной политической деятельности в субъектах России, что стало одной из причин их поражения на парламентских выборах 2003 года и заставило пересмотреть тактику. В настоящее время правыми партиями взят курс на укрепление своих позиций в провинции к предстоящим в 2004 году выборам в 37 субъектах страны [7].

Главным препятствием на этом пути станут архаичные и неэффективные технологии государственного управления, огромная роль административного фактора, высокая степень внушаемости массового сознания россиян, несформированность демократических ценностей.

В основе достижения паритета между главами регионов и Центром лежит негласный договор, гарантирующий переизбрание и поддержку действующего губернатора в обмен на политическую лояльность региона. Большинство политических лидеров субъектов Российской Федерации (одни в большей, другие в меньшей степени) в ходе избирательной кампании 2003 года в парламент выразили поддержку правительству, обеспечив победу «Единой России» в своей «вотчине». Надежной опорой Кремля стали, прежде всего, регионы с крайне низким уровнем жизни и чрезвычайно сильными позициями местной этнической элиты, продемонстрировавшие наиболее высокие показатели последней: Мордовия (79,56%), Чеченская Республика (77,37%), Дагестан (67,6%), Тува (66,85%), Татарстан (59,6%), Калмыкия (53,91%) [8]. Здесь живого политического процесса не наблюдалось. Демократичность отдельных регионов, демонстрируемая на протяжении 1990-х — начала 2000 годов, носит искусственный характер, приобретая абсурдный вид на фоне крайне низких показателей жизни в сравнении с общероссийскими, являясь свидетельством управляемости процессом (Калмыкия, например). Соглашательскую позицию с Центром стремятся занять и лидеры областей с менее управляемым электоратом. В частности, нижегородский губернатор Г.М. Ходырев выразил свою поддержку партии власти, но обеспечить уровень доверия, превышающий общероссийские показатели, не сумел, несмотря на активное привлечение административного ресурса. Проявление массовой лояльности периферийной элиты имеет объективные и субъективные причины. С одной стороны, это результат целенаправленной политики Кремля по формированию прочной вертикали власти, а с другой — осознание зависимости, прежде всего экономической, от Центра — федеральная власть остается единственным источником материальной поддержки (зарплата, дотации, пособия, пенсии).

В регионах, где губернаторы чувствовали меньшую зависимость перед партией власти, воздействие административного ресурса было минимальным, рейтинг последней не превышал 30% (в Новосибирской, Тамбовской областях — 28,9%, Оренбургской — 27,6) [9]. Один из выводов, который напрашивается по результатам выборов 7 декабря 2003 года: чем выше рейтинг «Единой России» в регионе, тем меньше оснований считать, что в нем идет живой политический процесс.

Нынешняя предвыборная президентская кампания в концентрированной форме демонстрирует отсутствие подлинно демократического избирательного процесса. Это связано, прежде всего, с отсутствием реального конкурента у основного претендента (отрыв В. Путина от ближайшего соперника составлял на 13 янва-

ря 2004 года 77%); односторонней агитацией и целенаправленной подачей информации через СМИ, работающих на создание положительного имиджа действующего президента (индекс его упоминаемости в СМИ — 51,77; И. Хакамады — 8,28; С. Глазьева — 5,93) [10]. Последние являются основным средством политической рекламы и PR-акций, направленных на привлечение разнообразных групп электората, в частности, информация о заседании совета по борьбе с коррупцией, об обещании либералам Запада нового витка реформ, нацеленных на экономический рост и борьбу с бедностью, об открытии президентского интернет-сайта для школьников.

Сказанное выше позволяет отнести российскую политическую культуру к смешанному типу, сочетающему в себе традиционные (авторитарные) и демократические ценности. Некоторые исследователи рассматривают политико-культурную ситуацию в современной России как «конфликт демократической формы и авторитарного содержания» [11]. Сосуществование их приводит к утверждению на российской почве «управляемой демократии» как некоей «совершенной политической системы», сочетающей авторитарный и демократический элементы. От их соотношения во многом зависят внутрироссийские перспективы развития политической культуры.

Объективная ситуация в России (устройство политической системы, социально-экономическая обстановка, национальные особенности) скорее всего подталкивает страну к авторитаризму. Национально-патриотические настроения, выявившиеся по итогам парламентских выборов 2003 года, также создают благоприятную почву для укрепления в государственной системе элементов последнего. Западные ценности функционируют чаще на теоретическом, пропагандистском уровне, в реальном же процессе приоритет остается за традиционными нормами.

Литература

1. Соловьев, А. Политология: политическая теория, политические технологии / А. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 385.
2. Дахин, А.В. Трансформации региональных элит (на примере Нижегородской области) / А.В. Дахин // Политические исследования (далее — Полис). — 2003. — № 4. — С. 108; Орешкин, Д. Б. География электоральной культуры и целостность России / Д.Б. Орешкин // Полис. — 2001. — № 1. — С. 85; Попова, Е.В. Проблемные измерения электоральной политики в России: губернаторские выборы в сравнительной перспективе / Е.В. Попова // Полис. — 2001. — № 3. — С. 50–51.
3. Файзуллин, Ф.С. Социальные проблемы совершенствования международных отношений в Башкортостане / Ф.С. Файзуллин, Р.И. Ирнараров // Социально-гуманитарные знания. — 2003. — № 2; Лиджи-Горяева, С.Э. Политический ресурс власти в Калмыкии и общественное мнение / С.Э. Лиджи-Горяева, Б.М. Мунянова // Социологические исследования. — 2003. — № 2. — С. 122–123.
4. Политическая культура и политическое поведение нижегородских избирателей. — Н. Новгород, 2001. — С. 14.
5. Морозова, Е. Политическая культура Юга России / Е. Морозова // Полис. — 1998. — № 6; Хармаев, В. Конец правых / В. Хармаев, В. Булавинов // Власть. — 2004. — № 3. — С. 14.

6. Баталов, Э.Я. Политическая культура современного американского общества / Э.Я. Баталов. — М.: Наука, 1990. — С. 281; Голосов, Г.В. Поведение избирателей России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов / Г.В. Голосов // Полис. — 1997. — № 4. — С. 45; Страхов, А.П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход / А.П. Страхов // Полис. — 2000. — № 3. — С. 90–91.
7. Хармаев, В. Конец правых / В. Хармаев, В. Булавинов // Власть. — 2004. — № 3. — С. 15.
8. Храбрый, О. Тест на лояльность / О. Храбрый // Эксперт. — 2003. — № 47. — С. 24.
9. Эксперт. — 2003. — № 47. — С. 23.
10. Власть. — 2004. — № 3. — С. 27.
11. Механик, А. В поисках недостижимого совершенства / А.В. Механик // Эксперт. — 2004. — № 1. — С. 76.